

Книжный обзор

Светлана Кекова – Яблоко и крест. – М.: Б.С.Г.-Пресс, 2021.

Уникальность Светланы Кековой, поэта и исследователя творчества Н. Заболоцкого и А. Тарковского, прежде всего, в редкой способности сочетать поэтический дар с воцерковленностью – причем, делать это так, что эти две стихии образуют синергию, взаимообогащая друг друга. Конечно, есть точки, где обе категории сближаются, по сути напоминая близнецов - вспомним, например, «Звездный ужас» Гумилева или его же «Слово»; но найдется ли в наше время – в цифровую эпоху, где манипуляции с сознанием и рекламные вставки – обычное дело – место для героизма и подвига?

Христианский мыслитель Жак Маритен полагает, что наличие дара есть некое задание человеку от Бога и что «особенно поэту, тяжело бороться против влияний своего мира». Поэт, как и святой, находится в «мире, будучи не от мира сего». Таким образом, сохраняя поэзию, поэт, будучи несовершенным, должен сопротивляться миру: «все тяготы времени могут вместиться в душе человека и быть побеждены творческой невинностью – в этом чудо поэзии...»

Поэтический ландшафт Кековой – и это роднит ее с Тарковским и, в большей мере, с Заболоцким – своеобразная *надреальность*, где в преображенном виде разрешаются бесчисленные вопросы повседневности, а наиболее яркие проблемы, тектонические сдвиги обозначены через образ *пророка*, стремящегося проникнуть в замысел *Шахматного Бога*. Тема шахматной доски, драматической партии, где на кону судьбы мира – развивается на основе вполне фактического материала.

«Яблоко и крест» – здесь темы утраты и обретения вынесены в заглавие неслучайно – книга, включившая в себя избранное из 17-ти поэтических сборников, охватывающих период с 1970 - по 2010-е гг. По сути, книга подводит итог написанному за более, чем 50-е творчества, и, если поэзия преображает мир – а именно так считает автор, - то сам поэт выступает в роли пророка:

Речь бунтаря вращается, как винт:
я зеркало, я дух, я лабиринт,
я горсть песка, я сеть для ловли света,
я город, возведенный на крови,
я сирота и я дитя любви,
я гость под кровом Ветхого Завета.

<...>

Но иногда проходит зренья луч

сквозь нервные сплетенья небосвода
и видит, что принадлежит Тебе...

Мы при последней, говорят, трубе
изменимся, и ничего не знача,
как странник, с изменившимся лицом,
я с матерью увижусь и отцом,
их обниму в пустых пещерах плача.

А еще Кекова (тут впору вспомнить «простые вещи – таз, кувшин, вода» у Тарковского) делает акцент не на герметичность – она откроется потом – но, напротив, на открытость и доступность средств изобразительности. Поддерживая отечественную словесность и русский Логос, поэт тем самым напоминает о точке отсчета, о том, с чего начинается Родина – создавая картину цветущей сложности, земной точки опоры, отголо-ска Эдема:

Лёжа в своей кровати, «аксиос» говорю
календарю, заплате, бледному фонарю,
бедной сухарной крошке, бабочке и осе,
кружке, губной гармошке, мухе, поскольку все
эти предметы жизни, мелкие существа
славят в своей отчизне тайный закон родства.
Вот и щадят их войны, пагубы, забытьё,
ибо они достойны в Царство войти Твоё. <...>

Добавлю, что наличие нескольких планов бытия предполагает как нисходящее (утрата), так и восходящее (обретение) движение между ними. Так птицы могут быть просто грачами, раскричавшимися перед отлетом на юг, а могут быть в *иммигрантском ажиотаже*. Юноша может быть *маленьким царем природы и признанием в любви* или быть в короне и с автоматом:

В ожидании снежной пряжи
и в надежде на свет в ночи,
в эмигрантском ажиотаже
улетают на юг грачи.

На песок, на речные воды,
на теряющий листья лес
смотрит маленький царь природы
с автоматом наперевес. <...>

И здесь поэт-пророк невольно указывает на иной план, где есть разрешение конфликта или он отображен как уже завершённый.

Галина Климова – Сказуемое несовершенного вида, Избранные стихотворения. – Ставрополь, 2020.

Книга Галины Климовой – избранное из написанного поэтом за несколько десятилетий, что дает читателю возможность надыхаться воздухом сразу нескольких эпох. Автор называет книгу «малым собранием избранных стихотворений» и собранные тексты – своего рода разнотравье по стилю и метрике (представлены даже визуальные стихи). В книге много посвящений товарищам по цеху (Ревичу, Алехину, Татьяне Бек), топонимики (Россия, Европа), религиозных сюжетов. Однако, несмотря на кажущуюся пестроту, Климову отличает узнаваемая интонация, акцент при подаче материала:

*Только мама
приучала любить оливки,
по-русски – маслины.
В упрямстве ослином
я бежала этой культурной прививки
за тридцать жарких земель,
в рощи оливковых олеографий,
выстроенных в каре,
где любое древо – библейских плодов колыбель,
на аттестат зрелости сдавших в ноябре.*

*Только мама
почти до зимы
Серой Шейкой плескалась в пруду и, лыжню проложив ни свет ни заря
вкруг Новоспасского монастыря, себя не тратила на ерунду.
По цвету лица узнавала гастрит,
и разные язвы, колиты, особенно в марте: покажите язык, – говорит, –
рельеф как на географической карте. <...>*

Логически книга разбита не несколько глав: детский опыт Райского сада, детство маленькой скрипачки и ее окружение, путешествия – далекие и близкие – с отданием должного архитектурным памятникам и гениям места. Наконец, это размышления об участии знаменитых художников и близкого им круга, а заодно и поиски себя в дружеском кругу. Героями стихотворений могут быть не только знаменитости, но и птицы, живые существа, святые – словом, всё, что может быть материалом и побуждением для творчества. Наконец, именно творческое начало помогает человеку преодолевать трудности:

* * *

Пора сомнений – смутная пора

*в невзрачной прелести своих пейзажей. Как злобны наши дни,
ознобны вечера,
но в росчерке дражайшего пера
дрожат новорождённые миражи.*

*Ещё чуть-чуть и время нас простит, ещё полюбит имена и лица,
кого уже не бронза,
не гранит,
не дух безвременья
хоронит и хранит,
но – вечность приглашает причаститься.*

Мне кажется, что лейтмотив книги – легкость и свет, благодаря которым человек и поэт проживает свою жизнь. Я почти уверен в том, что за «сказуемым несовершенного вида» подразумевается глагол *люблю*. А если это так – то в этом урок, который читатель может извлечь из книги Галины Климовой и – ответить автору взаимностью.

Тавров, Андрей. Прощание с Кьеркегором. – М.: Квилл Пресс, Центр современной литературы, 2022. – 106 с.

Вышедшая в минувшем году книга поэта и мыслителя Андрея Таврова крайне показательна, если говорить о проблеме эволюции творчества. Сферы онтологического познания и поэтического ландшафта, его растущей топонимии – эти восток и запад – расширяясь, переходят границы друг друга, образуя объемное видение.

И это снимает сразу множество вопросов – вопрос о верлибре (надуманный!), к примеру, здесь неуместен ввиду огромной смысловой нагрузки, делающей второстепенной ритмику и рифмы. Тем же путем, наверно, шел Эллиот, изначально мастерски владеющей техникой. Или вспомним художника Уильяма Тернера, чей поздний период творчества есть переход в свет и цвет. Конечно, он был, прежде всего, хорошим рисовальщиком. То есть, по большому счету, всякий хороший поэт пишет одно, но своё стихотворения, без оглядки на уже написанные – им или другими.

«Прощание с Кьеркегором» – сплав готовых и устоявшихся аллюзий и ссылок (тут нужно быть сведущим в истории поэзии и культуры или сопровождать каждый текст отдельными комментариями) с непосредственным переживанием, в большей мере готовым к новизне, чем к повторению. Автор, кстати, приводит одно немаловажное уточнение: *«Отмечу, что рецитативы читаются снизу вверх и слева направо, продолжая авторскую*

практику «Шестистиший» («Обратных композиций»), стихотворений, построенных наподобие китайских гексаграмм из книги Ицзин, состоящих из шести уровней каждая и считывающихся снизу вверх. Стихи цикла в ряде случаев затруднены непривычными в русской просодии размерами, это отчасти ямбы и хорей, превышающие свой обычный шестистопный максимум; поэтика стихов неяркая, сбивчивая, порой на грани косноязычия, возможно, невольно ориентирующаяся на высказывание Василия Великого: «О Боге мы можем только лепетать». Весь цикл рассчитан на внутреннее исполнительство и составляет Единицу текста».

А еще Тавров, отказываясь (но не до конца) от привычных камертона и метронома, заставляет слово проявлять собственный и неяркий голос, чем, возможно, показывает соотношение ритуала и спонтанного проявления – выбор существует сиюминутно.

Фигура Кьеркегора – первого философа-экзистенциалиста, известного в том числе своими метафорами и ироничными притчами, вынесенная в заголовок и связующая тексты, безусловно делает книгу более цельной и замкнутой.

Иллюстрируя сказанное, приведу отрывок из Второй части книги (к ней и обращены уточнения автора):

*<...> У Сёрена губы бантиком, а тело словно пчёлы.
Так вытянут туда, где нет ещё следа,
что стал он статуей резной на парусном носу,
проросши телом в бриг, как в холм выросла слюда –
пльиви, пльиви, корабль с матросом на весу,
неси, неси перед собой
из серых глаз его грозу!
Пльиви мой бриг меж морем и слезой –
не сбиться телом с курса, ни с волны;
между дельфином и грозой –
дельфины мыслящие мы,
и в буре Авраам свой точит нож косой,
отмахиваясь человеческой птицей
от тьмы великого Нельзя,
себя и плача, и разя,
безмерный и единолицый.*

Читать – снизу вверх и слева направо.

Примечание:

Герман Власов – поэт, переводчик, редактор. Живёт в Москве.